

Е.С. Богданов✉, А.А. Пайзерова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Одежда кочевников Курайской степи в III–V веках (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай)

В статье сделана первая попытка в общих чертах обрисовать костюм этнической группы, проживавшей в Курайской котловине в эпоху переселения народов. Основой для исследования выступили фрагменты одежды и обуви, обнаруженные в ходе раскопок на могильнике Курайка в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Речь идет об остатках изделий из шерсти, войлока, кожи и шелка в различных сочетаниях. Наиболее крупные и пригодные для анализа фрагменты зафиксированы в 14 захоронениях. Необходимо отметить полное отсутствие остатков меха. Могильник является уникальным для булан-кобинских памятников вследствие своей гомогенности, отсутствия грабительских проникновений и хорошей сохранности органики. Полученные данные позволяют предполагать использование курайским населением сферической шапочки-«шлема» с полями, закрывающими уши. Установлены особенности кроя двубортного кафтана с кожаной оторочкой. На основе сохранившихся фрагментов одежды и пазырыкских/тюркских аналогов сделано предположение о формах шерстяных/кожаных штанов, шелковых халатов, войлочной/кожаной обуви у погребенных в курайском некрополе. Установлено, что важной деталью мужского костюма был шерстяной или кожаный пояс. По всей видимости, первый просто завязывался узлом, а второй затягивался с помощью пряжки. В случае с находками крупных железных пряжек мы можем говорить о начале формирования в курайской среде наборных поясов с прямоугольными пластинами, подвесными кольцами и/или обоймами. Частая встречаемость в захоронениях могильника Курайка остатков шелка объясняется прохождением одного из ответвлений Великого Шелкового пути через территорию Горного Алтая в III–V вв.

Ключевые слова: Курайка, булан-кобинская культура, погребальный обряд, одежда, текстиль, шерсть, шелк, кожа, наборный пояс.

E.S. Bogdanov✉, A.A. Paizerova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Clothing of the Nomads of the Kuray Steppe in the 3rd–5th Centuries AD (Based on Archaeological Materials from the Kurayka Burial Ground, Altai Mountains)

The authors propose a preliminary reconstruction of the traditional clothing of the ethnic group inhabiting the Kuray Region during the Great Migration Period. The study is based on fragments of clothing and footwear uncovered during excavations at the Kurayka burial ground in the Kosh-Agach District of the Altai Republic. The remains of items made of wool, felt, leather and silk in various combinations are discussed. The largest fragments suitable for analysis were found in 14 tombs. It is worth noting the absence of fur remains. The burial ground is unique among Bulan-Koba sites due to its homogeneity, the absence of looting signs and the good state of preservation of organic matters. The observations suggest that the Kuray population used a spherical cap-“helmet” with brims covering the ears. The features of the cut of a double-breasted caftan with leather trim are established. Based on the surviving fragments of clothing and Pazyryk/Turkic parallels, the possible shapes of woolen/leather trousers, silk robes, and felt/leather shoes of the persons buried in the Kurayka necropolis were proposed. A woolen or leather belt was recognized as an important detail of the male costume. Apparently, the woolen belt was simply tied in a knot, and the leather belt was tightened through a buckle. Occurrences of large iron buckles suggest the early stage of the tradition to produce composite belts with rectangular plates, hanging rings and/or clamps among the Kurai people. The frequent occurrence of remains of the silk textile in the Kurayka burials is explained by the passage of one of the branches of the Great Silk Road through the Altai Mountains in the 3rd–5th AD.

Keywords: Kurayka, Bulan-Koba culture, burial rite, clothing, textiles, silk, wool, leather, belt.

Введение

В 2024 г. при поддержке Фонда «История Отечества» отрядом ИАЭТ СО РАН были завершены многолетние полевые исследования на могильнике Курайка, располагающегося на узкой, постепенно обрушающейся террасе, в 1,5 км от с. Курай Кош-Агачского р-на Республики Алтай. Памятник был оставлен носителями булан-кобинской культурной общности (III–V вв.). В настоящий момент из 126 зафиксированных объектов исследовано 77, что позволило в ходе планомерных раскопок выявить все особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря [Соёнов, Эбель, 1998; Слюсаренко, Богданов, Соёнов, 2008; Богданов, 2018, 2022; Богданов, Новикова, 2018]. Могильник является уникальным для региона вследствие своей гомогенности и отсутствия грабительских проникновений в захоронения. Особенно важным является фактор природных условий, при которых сохранились не только внутримогильные деревянные конструкции, но и предметы из органических материалов. Настоящая статья посвящена находкам фрагментов одежды и обуви при раскопках объектов на памятнике Курайка.

Описание находок

Наиболее крупные и пригодные для анализа фрагменты одежды и обуви обнаружены в 14 захоронениях. Стоит сразу подчеркнуть полное отсутствие остатков меха.

Изделия из шерсти. На костях детского скелета (остатки покрывала?) (объект 41А), под детским черепом остатки головного убора и воротника (?) (объект 48), под головой и на ребрах, костях таза мужчин (объекты 81А, 100).

Изделия из кожи (замши). Остатки детского кафтана с кожаной оторочкой (объект 1А), остатки штанов со швами (объекты 10, 87), на костях ног остатки юбки (?) изначально желтого цвета (объект 74), на ступнях остатки полусапожек (чулков) (объект 74), остатки войлочной обуви с кожаной окантовкой и подошвой (объект 81А), остатки войлочного головного убора с кожаной окантовкой (объект 81Б), остатки кожаного пояса (объекты 48, 87).

Изделия из шелка. Неорнаментированные однотонные фрагменты рубахи в районе грудины и таза мужчины (объект 7), полоски ткани на лице женщины (объекты 8, 48, 74); на лице ребенка (объект 48), мужчины (объект 81А). Орнаментированные фрагменты китайского шелка: на ребрах и костях таза детского скелета (объект 48).

Необходимо сразу отметить, что полного специализированного анализа ткани и кожи из курайских захоронений не проводилось. Это дело будущих исследований. Н.И. Глебовой [Соёнов, Глебова, 2003] были проанализированы только «14 определенных

фрагментов шелковых тканей репсового, атласного мелко- и крупно-узорчатого переплетения, из которых три имели пологую S-кратку нитей основы и только один – элементы узора краской по готовой ткани». Довольно небольшая выборка и фрагментарность анализируемых образцов* (рис. 1) не позволила исследователю сделать выводы по видам и покрою одежды, но она заметила, что у некоторых курайских тканей прослеживается «западная традиция изготовления узора при помощи утка, а не древнекитайская при помощи основы» [Там же, с. 89]. Данные выводы представляются предварительными, поскольку только после исследования технологии производства всей коллекции, в т.ч. состава красителей, способов нанесения узоров и т.п., возможно определение культурных и хронологических аспектов. В рамках данной статьи для нас первостепенное значение имеет определение вариантов костюма курайцев в сравнении с материалами более раннего (скифского) и более позднего (тюркского) времени. В полной мере мы можем судить только по трем наиболее сохранившимся деталям костюма. Это войлочные чулки с кожаной отделкой из объекта 81А, кожаные (замшевые) полусапожки из объекта 74 и кожаная оторочка детского кафтана из объекта 1А. В последнем случае, благодаря взятию монолитом вместе с днищем колоды и антропологическим материалом (от ключиц до коленных чашечек), в лаборатории ИАЭТ СО РАН удалось определить не только размерность изделия, но и его вид.

Изначально в нашем распоряжении оказались лишь части текстильного изделия (рис. 2, 1): правый и левый манжеты, оторочки передних полочек (правая находилась под левой на запах), оторочка нижнего края изделия, подшитая к полочкам (край оторочки дублирован вторым слоем на 8 см от места прикрепления). В ходе консервации кожи и устранения деформаций удалось установить реальные размеры деталей оторочки и составить выкройку предполагаемого изделия – кафтана (рис. 2, 2). Естественно, что его размерность может иметь погрешность в связи со способностью кожи усыхать.

Кафтан двубортный на запах. Вырез горловины, полочки, подол и манжеты оторочены полосой тонко выделанной кожи шириной 1, 5, 4,5, 4 и 8 см соответственно. Сохранилась лишь меряя, мездровый слой полностью утрачен. Крой кафтана расширяется от места крепления кожаных оторочек полочек (15 см от плеча), их длина – 30 см. Длина изделия по спинке составляет 48,5 см, длина рукава – 32 см, окружность манжета – 16 см, окружность по груди равна 48 см, окружность подола – 70 см (+5–10 см с учетом утрат). Пропорции соответствуют возрасту двухгодичного ребенка.

* К сожалению, работа проводилась на неотреставрированных фрагментах изделий. В настоящий момент количественные и качественные показатели существенно изменились после работы реставраторов ИАЭТ СО РАН.

Рис. 1. Могильник Курайка. Фрагменты деталей одежды.

1, 5, 6 – ткани сложного переплетения с орнаментом; 2, 3 – ткани простого переплетения; 4 – остатки тонкого кожаного шнура.

Следов от пуговиц и иных способов фиксации запаха на кафтане не сохранилось. По периметру кожаных оторочек сохранились отверстия от шва, нити отсутствуют. Шаг шва по узкому краю полочек и по периметру дублировочных фрагментов кожи (размер $4,5 \times 8$ см) составляет 2 мм. По длинным краям полочек и всему периметру оторочки подола и манжет шаг шва составляет 3 мм. Величина шага шва и диаметр отверстий иглы соответствует пришиванию тонкой, мягкой

или «рыхлой» ткани. Аккуратность выполнения шва наталкивает на мысль о шелке, однако утилитарность такого изделия ставится под сомнение. Шелковые ткани прочны, но кожаная оторочка способна их деформировать и провоцировать разрывы. Для шерстяной ткани шаг шва слишком мал, даже с учетом усадки кожи. Изделия из меха не встречались ранее в курайских погребениях. К тому же природные условия вполне были способны сохранить мех. Поиск аналогий среди

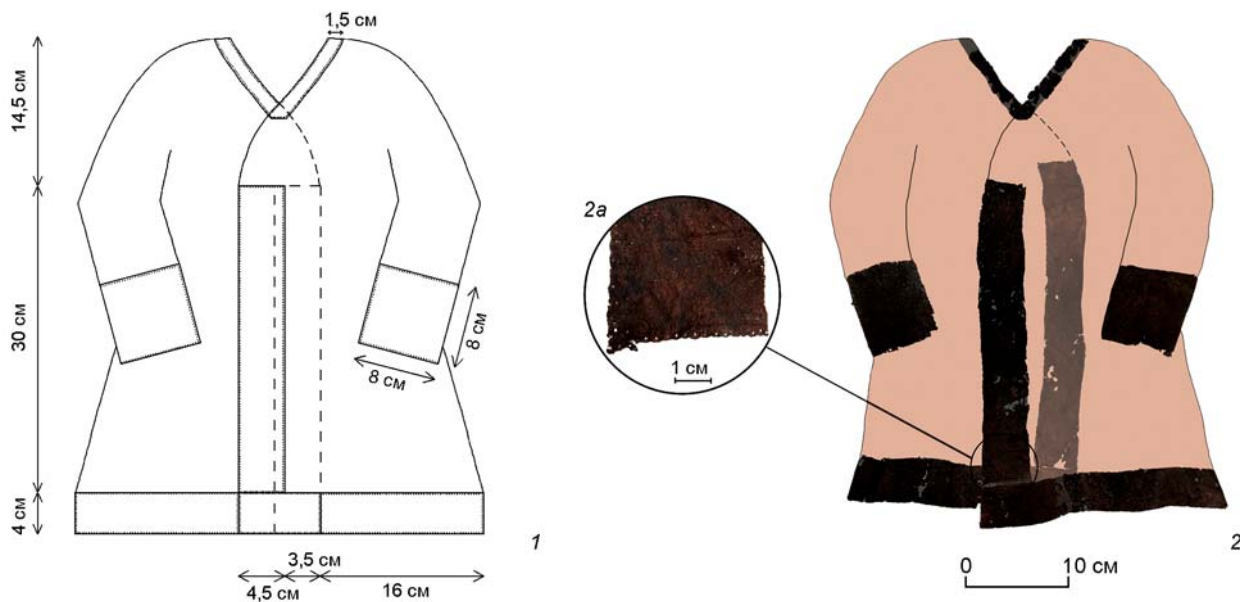

Рис. 2. Могильник Курайка. Кафтан из детского захоронения (объект 1А).
1 – крой изделия; 2 – реконструкция А.А. Пайзеровой; 2а – фрагмент оторочки (увеличено).

опубликованных материалов по тюркам натолкнул на мысль об использовании шелка в паре с утеплителем [Кубарев, 2005, с. 32–40]. Если это было так, то тяжесть кожаных оторочек равномерно распределялась бы на двойной плотный слой основного полотна изделия.

Исходя из пропорций погребенного и местонахождения на костяке деталей кожаной оторочки, А.А. Пайзеровой сделана попытка реконструкции детского кафтана (рис. 2, 3).

Интерпретация материала и постановка проблем

Если говорить о территории Горного Алтая, то наиболее полно изучены технологически текстильные (шерсть, шелк) материалы пазырыкской культуры [Руденко, 1953, с. 241–249, рис. 19, 20; Глушкова, 1994, 2000; Полосьмак, 1999; Полосьмак, Баркова, 2005], что обусловлено сохранностью образцов одежды в условиях мерзлоты. Технологические аспекты кожевенного производства и особенности использования кожи в одежде (окантовка, аппликации) попали в рассмотрение специалистов в меньшей степени [Руденко, 1953, с. 242–243; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 45–50], что определялось плохой сохранностью этого материала в захоронениях и сложностью ее изучения. Изделия «гунно-сарматского времени» изучены еще меньше [Соёнов, Глебова, 2003; Константинова (Штанакова), Суразаков, 2013; Тишкин, Орфинская, 2023]. Данный аспект усложняет задачу проведения каких-либо сравнительных исследований по костюму при отсутствии специализированного исследования курайских тканей и кожи. Поэтому на данном этапе мы можем только в общих чертах обрисовать костюм

этнической группы, проживавшей в Курайской котловине в эпоху переселения народов.

Головной убор. Лишь в трех захоронениях зафиксированы остатки однотонных шерстяных предметов, не дающих полного представления об их форме. Обнаружение в женском погребении (объект 81Б) фрагментов головного убора из войлока с полоской кожи с нашитыми на ней пятью медными бляшками с позолотой позволяют предполагать использование курайским населением сферической шапочки с полями, закрывающими уши («шлема»). Самые ближайшие параллели – это булан-кобинские и пазырыкские аналоги [Тишкин, 2019, рис. 1, 8; Борисенко, Худяков, 2004, рис. 8, 2; Полосьмак, 2001, с. 183; Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.59]. Вероятно, существовали сезонные вариации с применением разной толщины войлока, и художественные – с применением кожи для окантовки или аппликаций (нашивок в виде бляшек). Наличие полоски шелковой ткани на лицах погребенных мы больше связываем с особенностями проведения погребального ритуала (подробнее см.: [Богданов, 2022]). Хотя Ю.С. Худяков предполагал, что это накидки, при жизни закрывавшие затылочную часть головного убора усть-эдиганских женщин [Худяков, 2003, с. 80, рис. 3]. В любом случае, при изучении скифских (пазырыкских/сакских) материалов мы фиксируем различные формы и стиливое воплощение (см., напр.: [Полосьмак, 2001, с. 180–183, 185, рис. 102, 105, 106, 115, 116; Яценко, 2006, с. 89–94]). Причем традиция ношения конусных и колпакообразных шапок с полями, прикрывающими уши, сохраняется и в последующее время в традиционной культуре хунну (Ноин-Ула) [Руденко, 1962, таб. XVI, 5]. Что касается «упрощенных» курай-

ских головных уборов, они, по всей видимости, были типичны для большей части евразийских кочевников, сохранившись и до наших дней. Некий «западный» импульс мы фиксируем в размещении на головных уборах нашивных круглых бляшек полосой по окантовке. Хотя есть и определенные параллели с традиционным тагарским головным убором, украшенным полусферическими бляшками.

Верхняя одежда. Судя по сохранившимся деталям, мы можем говорить о наличии двубортных кафтанов (шерсть или шелк? + кожа), халатов (шелк), штанов (шерсть, кожа) и, возможно, юбок. Почти

полное представление есть только об одном экземпляре детского костюма, о котором мы писали выше. Схема кроя и отделки сходна с шелковыми кафтанами тюркского времени [Кубарев, 2005, с. 38–40]. В отношении других деталей костюма мы можем лишь строить предположения об их внешнем виде, опять же опираясь на известные образцы из пазырыкских и ноин-улинских захоронений [Садако Като, 1994; Полосьмак, 2001, рис. 85, 87–89; Руденко, 1962, таб. X, XI, XIV, XV]. Судя по всему, курайские мужчины носили длинные штаны из шерсти и/или кожи (рис. 3, 1). Стоит отметить отсутствие на женской и

Рис. 3. Могильник Курайка. Находки.

1 – фрагмент кожаных штанов с деталями наборного пояса (А – железная пластина; Б – железная пряжка); 2–6 – детали поясов.

мужской одежде каких-либо художественных аппликаций из кожи.

Важной деталью мужского костюма был шерстяной или кожаный пояс. По всей видимости, первый просто завязывался узлом, а второй затягивался с помощью пряжки. В случае с находками крупных железных пряжек мы можем говорить о начале формирования в курайской среде наборных поясов с прямоугольными пластинами, подвесными кольцами и обоями (рис. 3) (подробнее см.: [Богданов, 2022, с. 441–442, рис. 3]). В целом эта тенденция характерна для всех поздних булан-кобинских памятников. Хотя только в семи объектах на Курайке найдены детали новой формы поясов. В трех случаях – это только крупные поясные пряжки, в четырех – кроме пряжек есть еще железные детали: накладные пластины и/или кольца. Учитывая почти полное отсутствие оружия в мужских захоронениях (наличие лука всего в трех случаях, кинжала – в двух), мы не можем связывать появление наборных поясов у населения, оставившего могильник Курайка, с какой-либо военизацией общества и появлением отдельной касты мужчин-воинов (см. статью Богданова Е.С., Новиковой О.И. «Сопроводительный инвентарь как маркер половозрастной и социальной стратификации населения Курайской котловины (по материалам раскопок могильника Курайка, Горный Алтай)» в этом сборнике).

Обувь. Судя по имеющимся находкам, мы можем говорить о ношении курайцами войлочных чулок-сапог с кожаной отделкой в мужском варианте, и кожаных (замшевых) полусапожек – в женском. Аналоги в более художественном исполнении мы видим в пазырыкских/укокских материалах [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 92–97]. В случае с курайскими изделиями стоит отметить очень качественную отделку кожи. С.И. Руденко отмечал, что у пазырыкцев «выделка осуществлялась при помощи кислого молока и творога, после чего мялась руками» [Руденко, 1953, с. 242]. По всей видимости, все технологии были достаточно консервативны и традиции обработки передавались из поколения в поколение, что и фиксируется в булан-кобинских материалах уже последующей эпохи. В целом это соотносится с известными письменными китайскими источниками, где упоминается, что «начиная от владельцев»... все (хунну) «одеваются кожами домашнего скота, прикрываются шерстяным и меховым одеялом» [Руденко, 1962, с. 38].

Заключение

Таким образом, на первом этапе работы с остатками текстильных, войлочных, кожаных изделий из погребений могильника Курайка удалось определить основные детали костюма, а в некоторых случаях установить форму и особенности кроя. Весь материал довольно

однороден по своим характеристикам и представляет собой продукцию местных мастеров без особых художественных изысков. В этом смысле стоит особо отметить, что текстильные материалы из курайских захоронений не отражают особенности четкой социальной дифференциации в данном кочевом сообществе.

На сегодняшний момент ясно, что для рядового скифского населения Горного Алтая более характерна была простая шерстяная одежда, войлочные, шерстяные головные уборы и обувь с отделкой из кожи. Шелк обнаружен был только в погребениях пазырыкской знати, что, по-видимому, обусловлено его высокой ценностью (редкостью) для этих территорий. Начиная с рубежа эр ситуация начинает меняться, и шелковые ткани китайского (а позже согдийского) производства становятся доступны разным слоям населения для пошива одежды. Фиксируем мы эти моменты и в материалах булан-кобинской культурной общности, и в частности, в курайской степи. Скорее всего, правы те исследователи, что объясняют данные факты прохождением одного из ответвлений Великого Шелкового пути через территорию Горного Алтая [Соёнов, Глебова, 2003, с. 89]. Это предположение косвенно подтверждается находками: подвесками из египетского фаянса (подробнее см.: [Богданов, Слюсаренко, 2007]), украшениями из раковин моллюсков, пастовыми причерноморскими бусинами и каури.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0006 «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи».

Список литературы

Богданов Е.С. Архаические черты и инновации в культуре кочевников Горного Алтая в гунно-сарматское время (по материалам исследования могильника Курайка) // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. К 70-летию академика В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 222–229.

Богданов Е.С. Ритуальные сооружения могильника Курайка (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. XXVIII. – С. 437–442.

Богданов Е.С., Новикова О.И. К вопросу о культурной принадлежности могильника Курайка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 229–233.

Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю. Амулеты из египетского фаянса с территории Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 77–80.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 65–72.

Глушкова Т.Н. Плетение и ткачество в раннем железном веке (по материалам могильника Ак-Алаха I) // Стерегищие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 114–121.

Глушкова Т.Н. Традиции изготовления пазырыкских тканей // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск, 2000. – С. 158–161.

Константинова (Штанакова) Е.А., Суразаков А.С. Производство текстильной продукции на Алтае в гунно-сарматское время (по материалам могильника Айрыдаш I) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2013. – № 5 (17). – С. 103–110.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Полосьмак Н.В. К вопросу о шерстяных тканях из пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 491–496.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.: ил.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2005. – 232 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.: Л: Изд-во АН СССР, 1953. – 404 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Садако Като. Штаны из погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха I // Стерегищие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 111–114.

Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Соёнов В.И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып. 7. – С. 42–57.

Соёнов В.И., Глебова Н.И. Фрагменты шелковых тканей из могильника Курайка // Археология и этнография Алтая. – Вып. 1. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. – С. 88–90.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1998. – № 3. – С. 113–135.

Тишкин А.А. Шелковый головной убор хуннского времени из кургана № 51 памятника Яломан II (Центральный Алтай) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые дан-

ные и концепции). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2019. – Т. I. – С. 272–275.

Тишкин А.А., Орфинская О.В. Исследование шелковой ткани от нижнего головного убора сюннского времени (по материалам кургана 51 могильника Яломан II в Центральном Алтае) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2023. – Т. 51, № 1. – С. 119–126.

Худяков Ю.С. Реконструкция женского костюма кочевников хуннского времени Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Ин-та алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 78–88.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.

Referents

Bogdanov E.S. Arkhaicheskiye cherty i innovatsii v kul'ture kochevnikov Gornogo Altaya v gunno-sarmatskoye vremya (po materialam issledovaniya mogil'nika Kurayka). In *Mul'tidistsiplinarnyye aspekty izucheniya drevney i srednevekovoy istorii. K 70-letiyu akademika V.I. Molodina*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. P. 222–229. (In Russ.).

Bogdanov E.S. Ritual structures of the burial ground of Kurayka (Mountain Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 28. P. 229–233. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Novikova O.I. To the Cultural Attribution of the Kurayka Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. 24. P. 229–233. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Slyusarenko I.Y. Egyptian faience amulets from the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007. No. 4. P. 77–80.

Borisenko A.Y., Khudyakov Y.S. Reconstruction of women's headdresses from the Ust-Edigan burial ground in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004. No. 1. P. 65–72.

Glushkova T.N. Pleteniye i tkachestvo v rannem zheleznom veke (po materialam mogil'nika Ak-Alakha I) In *Steregushchiye zoloto grify*. Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 114–121. (In Russ.).

Glushkova T.N. Traditsii izgotovleniya pazyrykskikh tkaney In *Fenomen altayskikh mumiy*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. P. 158–161. (In Russ.).

Khudyakov Y.S. Rekonstruktsiya zhenskogo kostyuma kochevnikov khunnskogo vremeni Gornogo Altaya. *Arkheologiya i etnografiya Altaya*. Gorno-Altaysk: In-t altaistiki im. S.S. Surazakova Publ., 2003. Iss. 1. P. 78–88. (In Russ.).

Konstantinova (Shtanakova) E.A., Surazakov A.S. Proizvodstvo tekstil'noy produktsii na Altaye v gunno-sarmatskoye vremya (po materialam mogil'nika Ayrydash I). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2013. No. 5 (17). P. 103–110. (In Russ.).

Kubarev G.V. The culture of the ancient Turks of the Altai (on the basis of burials). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. 400 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. K voprosu o sherstyanykh tkanyakh iz pazyrykskikh kurganov In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999. Vol. 5. P. 491–496. (In Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: Infolio-press, 2001. 336 p. (In Russ.).

Polosmak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyrykcev Altaya (IV–III vv. do n.e.). Novosibirsk: Infolio-press, 2005. 232 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i noinulinskie kurgany. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1962. 203 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953. 404 p. (In Russ.).

Sadako Kato. Shtany iz pogrebeniya v kurgane I mogil'nika Ak-Alaha I. In *Steregushchie zoloto grify*. Novosibirsk: Nauka, 1994. P. 111–114. (In Russ.).

Slyusarenko I.Y., Bogdanov E.S., Soyonov V.I. Novye materialy gunno-sarmatskoy epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kurayka). *Izucheniye istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoy Sibiri*. Gorno-Altaysk: AKIN, 2008. Iss. 7. P. 42–57. (In Russ.).

Soyonov V.I., Ebel A.V. Issledovaniya na mogil'nike Kurayka. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*.

Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 1998. No. 3. P. 113–135. (In Russ.).

Soyonov V.I., Glebova N.I. Fragmenty sholkovykh tkaney iz mogil'nika Kurayka. *Arkheologiya i etnografiya Altaya*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2003. Iss. 1. P. 88–90. (In Russ.).

Tishkin A.A. Shelkovyy golovnoy ubor khunnuskogo vremeni iz kurgana № 51 pamyatnika Yaloman II (Tsentral'nyy Altay). In *Drevnosti Vostochnoy Yevropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v yevraziyskom kul'turnom prostranstve (novyye dannyye i kontseptsii)*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2019. Vol. I. P. 272–275. (In Russ.).

Tishkin A.A., Orfinskaya O.V. A Study of silk fabric from the Xiongnu age under-headress discovered at Yaloman II mound 51 in the Central Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2023. Vol. 51. No. 1. P. 119–126.

Yatsenko S.A. Kostyum drevney Yevrazii: iranoyazychnyye narody. Moscow: Vost. lit. Publ., 2006. 664 p. (In Russ.).

Богданов Е.С. <https://orcid.org/0000-0001-7073-8914>

Дата сдачи рукописи: 30.09.2024 г.